

УДК 94 (470.4):297

А. А. ФОМЕНКОВ

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

ОТ РАЗРОЗНЕННЫХ АКТИВИСТОВ К МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: К ИСТОРИИ ГОРЬКОВСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕФОРМАЛИТЕТА В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Статья посвящена особенностям деятельности политических активистов и их объединений в г. Горьком (ныне — Нижнем Новгороде) в годы перестройки. Выявлены основные факторы, способствовавшие их консолидации. Обозначено влияние политизированных неформалов на политические организации, возникшие в мегаполисе на рубеже 1980-х—1990-х годов.

Ключевые слова: перестройка, неформалы, г. Горький, КПСС, политическая борьба.

С началом перестроечного процесса в СССР руководством страны был взят курс на политическое обновление советского общества. В рамках такового провозглашалась ставка на развитие подлинной активности всех советских людей и, как следствие, выдвигалась идея о необходимости развития новых форм самодеятельности для решения политических, экономических, экологических и иных проблем [1, с. 43]. Во многом справедливо представление о том, что ставилась задача поддержать любые проявления гражданской самостоятельности [2, с. 88].

Следует также упомянуть, что именно в середине 1980-х годов в стране активизируются неформальные объединения граждан (разумеется, существовали они и до 1985 года, но их активность стала куда как более заметной для широких слоёв населения). Часто «причинами возникновения неформальных объединений исследователи называют неэффективность существующих организационных структур, появившуюся для людей возможность реализовать накопленный социальный потенциал» [3, с. 29]. В результате имело место резкое увеличение численности так называемых «неформалов» в СССР. Не случайно, что в течение нескольких лет, начиная с 1986 г., часто говорили о неформальном буме и даже неформальном бунте [4, с. 5]. Упомянем также, что бурное развитие неформалитета стало возможным, в том числе благодаря принятию 13 мая 1986 г. «Положения о любительском объеди-

нении, клубе по интересам» [5, с. 26—28], которое предоставило неформальным объединениям определённые права, в том числе и связанные с финансами.

Отметим, что среди многочисленных неформальных объединений в СССР на начальном этапе перестройки активно проявляли себя и так называемые «социально ориентированные» неформалы, которые были склонны обсуждать общественно-политические проблемы и искать способы их решения [6, с. 2]. Отчасти благодаря этому крылу неформалов и начался процесс политизации советского общества в 1986—1988 годах. Во многом это было связано и с увеличением интереса к советскому прошлому (особенно к истории 1930-х годов). Не случайно, что «...с провозглашением гласности стали возникать клубы, объединяющие людей, интересовавшихся политикой и историей советского периода» [7, с. 43].

Общепризнанным можно считать то обстоятельство, что город Горький (с октября 1990 г. — Нижний Новгород) являлся одним из признанных центров неформального движения в РСФСР [8, л. 1]. Нельзя не упомянуть, что большую роль в усилении политической активности населения в г. Горьком сыграли разного рода объединения, созданные изначально для поддержки перестройки. К ним следует причислить целый ряд политклубов («Авангард», «Планета», «Смена», «Истина»), культурно-полити-

ческих организаций (литературное объединение «Среда», агиттеатр «Второе я», молодёжный центр «Ренессанс», объединение молодых художников «Чёрный пруд», отряд добровольных помощников реставраторов «Набат», «Нижегородский совет по экологии культуры» и даже возникшая на мероприятии в память Д. Леннона группа «Феникс», предлагавшая в качестве программы-максимум создание всесоюзного центра координации нестандартных взглядов молодёжи [9, л. 8]), и ряд других [10, л. 103; 11, л. 8; 12, л. 1–12; 13, л. 3]. Нельзя не признать, что практически для всех из них, равно как и для подобных им объединений в других регионах СССР, были характерны текучесть кадров, нечеткость программных требований, внутренняя борьба и частая смена названий [14, с. 261].

Отметим также, что именно представители политизированного неформалитета в г. Горьком стали организаторами акций протеста против власти. Первоначально борьба началась по сугубо локальному градостроительному вопросу, связанному с возможным сносом здания XIX века, являвшегося одним из немногих в городе памятников классицизма [15] и расположенного по адресу: ул. Лядова, 31 (ныне ул. Большая Печерская, 31). При этом очень значимо, что для необходимости защиты данного памятника архитектуры в 1987 году была впервые за многие годы применена тактика пикетирования [16, л. 7].

Ближе к концу 1980-х годов тремя основными проблемами, на основе которых проходила консолидация политически активных граждан в г. Горьком, были связаны со строительством метрополитена в верхней части города, со сносом зданий, имеющих архитектурную и историко-культурную ценность и с запуском Горьковской атомной станции теплоснабжения (ГАСТ).

Относительно последней укажем, что в наибольшей степени именно борьба с запуском в эксплуатацию ГАСТ содействовала объединению горьковских неформалов. В результате в 1988 году был создан Горьковский общегородской координационный совет противников Горьковской АСТ. Среди них были и те, кто позиционировали себя как «демократы», и адепты русского национал-патриотизма.

В октябре 1988 года наиболее политически активные горьковчане начали работу по созданию Горьковского народного фронта. Как известно, аналогичные структуры создавались в то время в союзных и автономных республиках, а также крупных городах РСФСР (таких, например, как Москва, Ленинград, Ярославль, Ставрополь [17, с. 594; 18, с. 139]). Самыми активными идеологами создания Горьковского народного фронта являлись члены политклуба «Авангард» И. В. Зверев и Л. И. Сорочинская, лидер группы «Экология культуры» и активист Демократического союза (ДС) С. М. Дмитриевский, председатель политклуба «Планета» А. М. Чернышов, а также О. Ю. Маслов. Впрочем, такая форма объединения горьковского политизированного неформалитета оказалась неудачной.

Имелись и иные площадки для консолидации — например, клуб «Триклиний», изначально являвшийся сугубо литературным объединением, сыгравшим, однако, большую роль в сплочении критически настроенных по отношению к советской действительности молодых горьковчан.

Кроме того, зимой 1988 года появилось движение за возвращение городу исконного названия [19, л. 7], объединившее немало горьковчан, причём

во многом не согласных друг с другом по ряду иных вопросов.

Уже в 1988 году в городе появилось отделение радикально оппозиционного «Демократического союза» (ДС) [20, л. 1] (эта структура «... представляла собой одно из самых радикальных и оппозиционных к действующей власти общественно-политических объединений [21, с. 374.]). Был в г. Горьком даже представитель эмигрантского Народно-трудового союза (НТС) А. Мазурин [22, л. 3]. Упомянем, что данная структура в советские годы считалась одной из самых опасных для СССР антисоветских эмигрантских организаций [23, с. 187; 24, с. 297; 25, с. 133, 173; 26, с. 143, 156]. Наиболее ярким примером деятельности оппозиционно настроенных горьковских политических активистов была установка на главной улице города, носившей тогда имя Я. М. Свердлова (ныне она именуется Большой Покровской), стенда с «Нижегородской демократической газетой» [27, л. 5.]. Это издание, похожее по формату на стенгазету, пользовалось большой популярностью у горожан. Причина тому заключалась в большом запросе на альтернативу официальной точке зрения по политическим и экономическим вопросам.

Нельзя не упомянуть, что консолидация политизированного неформалитета привела к усилению «уличной» активности. Так, 1 мая 1989 года на несанкционированной манифестации было задержано 30 человек [28, л. 31–32]. Далее, меньше чем через год, митинг 18 февраля 1990 был организован сторонниками объединения «Кандидаты за демократию» и собрал 10 тысяч человек, которые были оппозиционно настроены по отношению к действующей власти [29, л. 1].

Важно подчеркнуть, что горьковчане-участники неформальных общественно-политических объединений отличались довольно высоким культурно-образовательным уровнем. Согласно имеющимся данным, студенты составляли 26 % от общего числа политизированных неформалов в г. Горьком; ИТР, служащие со специальным образованием — 20 %; учащиеся ПТУ — 17 %; рабочие — 16 %; учащиеся техникумов — 8 %; школьники — 7 %; НТР, служащие без специального образования — 5 %. Из приведённых данных видно, что среди неформалов преобладает учащаяся молодёжь (58 %), за нею следуют ИТР и служащие (25 %). Известно также, что каждый третий неформал проживал в Нижегородском или Советском (то есть в центральных, наиболее комфортабельных и престижных, наименее криминализованных) районах г. Горького [30, с. 711]. Упомянем и тот факт, что «...для многих [из них] параллельная политическая активность была важнее, чем профессиональная деятельность» [31, с. 300].

В целом пример г. Горького, по нашему мнению, подтверждает тезис, согласно которому в конце 1980-х гг. «...в недрах российской политической системы вызрели глубинные социальные и экономические предпосылки для возникновения новых субъектов политического процесса — альтернативных политических партий и движений» [32, с. 33]. В результате в Горьковской области, с одной стороны, появились представители фракционных течений в рамках КПСС [32, с. 2; 34, с. 4–5], а, с другой стороны, стали возникать принципиально новые в идейном плане организации [35, с. 109; 36, с. 50; 37, с. 290]. Такой, например, стала созданная 15 июля 1990 г. организация под наименованием

«Отчизна» [38, л. 20]. «Отцами-основателями» её наряду с В. Ф. Калентьевым следует считать профессора Е. В. Кузнецова, а также жителя Красных Баков А. И. Зернова, дзержинца В. М. Меженина и арзамасца А. И. Плотникова. Председателем «Отчизны» стал заведующий кафедрой истории СССР Горьковского государственного педагогического института Е. В. Кузнецов [39, с. 3].

Задачей своей организация первоначально декларировала сохранение русской культуры. Предполагалось, что никакой политической окраски «Отчизна» иметь не будет. В этом плане формально «Отчизна» мало чем отличалась от «Клуба еврейской культуры», созданного в г. Горьком 16 апреля 1989 года [40, с. 14] и вобравшего в себя как сторонников КПСС, так и её противников, а наряду с ними и немало довольно аполитичных горьковчан. Впрочем, в реальности «Отчизна» стала не столько обществом по сохранению культурного наследия, но именно русской национально-патриотической организацией, причём в 2000-х годах она по праву считалась старейшей из существовавших на тот момент в России.

Таким образом, история горьковского неформального движения периода перестройки подтвердила большое значение политизированного неформалитета в становлении отечественной многопартийности [41, с. 107].

Дистанция от разрозненных активистов с размытыми, в сущности, политическими убеждениями до массовой политической активности в условиях гласности и демократизации была пройдена за несколько лет.

Библиографический список

1. Карафелов А. М. Неформальные молодежные объединения СССР в 80-е — начале 90-х гг. XX в.: историческое исследование (на материалах г. Москвы): дис. .... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 213 с.
2. Рогачёва Л. И. Становление и развитие общественных связей как социального феномена // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2010. № 2. С. 87—89.
3. Бобкова Н. П. Образ неформала в период трансформации социально-политической системы // Человек и общество в нестабильном мире: материалы Регион. науч.-практ. конф., 25 февр. 2016 / Омская юридическая академия. Омск, 2016. С. 28—31.
4. Ольшанский Д. В. Неформалы: групповой портрет в интервью. М.: Педагогика, 1990. 188 с.
5. Положение о любительском объединении, клубе по интересам № 05/15-38С-т; утв. Секретариатом ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Минкультуры СССР 13 мая 1986 г. // Культурно-просветительская работа. 1986. № 8. С. 26—28.
6. Захаров В. Какие они? Кто они? // Ленинская смена (Горький). 1989. 20 октября. С. 2.
7. Казьмин В. Н. Неформальные организации Западной Сибири в период перестройки // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10-2. С. 42—46.
8. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 30. Оп. 838. Д. 48.
9. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3988.
10. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 330.
11. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3988.
12. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 4609.
13. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 4810.
14. Волгин Е. И. Метаморфозы столичных неформалов второй половины 1980-х годов — начала 1990-х годов. Рец. на кн. Кароль Сигман «Политические клубы и перестройка в России: Оппозиция без диссидентства» // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 53. С. 256—271.
15. Девушка с ключом // Журнал путешествий по России. Страна Ру. URL: <http://strana.ru/journal/20845896> (дата обращения: 30.12.2016).
16. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3988.
17. Погорелов А. С., Романов В. Д., Соболева Ю. Е. Политическая экзотика в СССР в конце 1980-х годов // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 593—597.
18. Ульянова Ю. С. Постсоветские «Народные фронты» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 1. С. 139—142.
19. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3989.
20. Муравьев Д. Н. Освещение прессой Иркутской области деятельности неформальных общественно-политических движений в годы перестройки (1985—1991 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2009. С. 373—377.
21. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3989.
22. Базанов П. Н. «Российские эмигранты в условиях «холодной войны» — лучшее научное исследование по послевоенной эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 186—188.
23. Климович Л. Рец. на кн. От зарубежья до Москвы. Народно-трудовой союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924—2014. Сост. В. А. Сендеров. М.: Посев, 2014. 384 с. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 1 (99). С. 295—299.
24. Корнилов А. Н. Берлин: тайная война по обе стороны границы: записки военного контрразведчика. М.: Кучково Поле, 2009. 510 с. ISBN 978-5-9950-0030-3.
25. Окорочков А. В. СССР против США. Психологическая война. М.: Вече, 2011. 316 с. ISBN 978-5-9533-4749-5.
26. Смыслов О. С. Предатели и палачи: 1941—1945. М.: Вече, 2013. 318 с. ISBN 978-5-4444-0116-3.
27. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3988.
28. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 5933.
29. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 5922.
30. Общество и власть. Российская провинция 1917—1980-е годы. В 6 т. М.; Н. Новгород: Изд-во Ин-та Российской истории РАН, 2010. Т. 6. 971 с. ISBN 978-5-8055-0221-8.
31. Кирчик О. И. В поисках утраченного общества: Неформальная политика периода перестройки. Рец. на кн.: Сигман К. Политические клубы и перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с. ISBN 978-5-4448-0220-5 // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 2. С. 299—303.
32. Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М.: Центр прикладных политических исследований ИНДЕМ, 1996. 239 с.
33. Выбор / Интервью Г. Шагиевой с делегатом Всесоюзной учредительной конференции по созданию Демократической платформы в КПСС О. Г. Рожко // Горьковский рабочий. 1990. 20 марта. С. 2.
34. Наступил час решений / Интервью Г. Шагиевой с членом координационного совета Демократической платформы О. Г. Рожко // Нижегородский рабочий. 1990. 26 сентября. С. 4—5.
35. Калачев А. П. О спецификации функционирования движения «Демократическая Россия» на региональном уровне (На примере Нижегородской области) // Научное мнение. 2013. № 6. С. 108—112.
36. Пахомова Е. А. Трудности перехода: К вопросу о начале формирования буржуазного уклада на рубеже 1980-х — 1990-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2015. Т. 21. № 1. С. 49—52.
37. Полусмак Т. Л., Симонов А. Л., Торопкин А. И., Шустова Ю. В. Политическая история Горьковской-Нижегородской области на рубеже 1980-х — 1990-х годов: Проблемы источни-

коведения и историографии // Труды НГТУ им. П. Е. Алексеева. 2015. № 2 (109). С. 288–293.

38. ГОПАНО. Ф. 7866. Оп. 1. Д. 51.

39. Голицына А. [Информация] // Ленинская смена. 1990. 30 октября. С. 3.

40. Грузман Л. Еврейские тетради. Н. Новгород; Иерусалим: Книги, 2005. 318 с. ISBN 5-94706-021-3.

41. Калачёв А. П. К вопросу о роли неформального движения в становлении многопартийности в СССР // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-1. С. 106–107.

ФОМЕНКОВ Артём Александрович, доктор исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры теории политики и коммуникации.

Адрес для переписки: artjom2310@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2017 г.

© А. А. Фоменков

УДК 947(571.1)

А. А. ШТЫРБУЛ

Омский государственный педагогический университет,
г. Омск

К УРОКАМ ПРОШЛОГО (О МОНОГРАФИИ В. П. ВАСИЛЕВСКОГО, А. В. СУШКО «"СТРАЖИ РЕВОЛЮЦИИ": ОРГАНЫ ГПУ—ОГПУ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ»)

В статье предложен критический анализ концепции, представленной в монографии В. П. Василевского и А. В. Сушко «"Стражи революции": органы ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье». Рассматриваются основные теоретические положения, отмечаются ее достоинства и недостатки, выделяется степень научной новизны исследования.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, ГПУ—ОГПУ, Омское Прииртышье.

Период 20-х и особенно 30-х годов XX века в российской отечественной историографии — один из самых загадочных, малоизученных и еще каких-то 30 лет назад почти закрытых (во всяком случае, по очень многим темам и направлениям) для исследования. Несмотря на многочисленные научные работы последних лет, сложнейшая логика истории этого периода до сих пор до конца не разгадана и не понята. Хорошо уже то, что отечественными историками почти преодолен господствовавший в 1990-е гг. тезис о том, что все дело в И. В. Сталине и что во всем негативе того периода виноват он. Важную роль в раскрытии исторической логики данного периода могут и должны сыграть региональные исследования, к числу которых принадлежит и рецензируемая книга.

Научная новизна выполненного В. П. Василевским и А. В. Сушко исследования состоит, прежде всего, в том, что на материалах Омского региона данную проблему еще никто детально не исследовал [1]. При этом монография очень содержательна и насыщена фактами, ее содержание будет интересно не только историкам. Материал изложен интересно и, местами, захватывающе. План монографии, ее оглавление четко выверены и соответствуют логике представленного материала. В круге вопросов, поставленных и разработанных авторами, практически ничто важное и существенное не упущено.

Исследованием охвачена работа органов ГПУ—ОГПУ в 20-х—начале 30-х гг. XX в. по контролю всех основных категорий населения, вызывающих

у власти особый интерес: оппозиционных партийно-политических организаций и групп, религиозных организаций и объединений, в том числе: сект, студенчества омских вузов, бывшего белого офицерства, сибирского (иртышского) казачества, кулачества, «экономической контрреволюции», работников транспорта. Особо исследована борьба с разведками иностранных государств Запада, Японии, Китая и противодействие местных органов деятельности этих разведок. Кроме того, важным сюжетом являются вопросы реформирования организационных структур чекистских органов и нерешенная проблема их кадрового обеспечения.

Весьма интересна глава о структуре и кадровом обеспечении органов безопасности советского государства на территории Омского Прииртышья. На региональном сибирском материале проблему раскрывал А. Г. Тепляков [2, 3]. Однако он детализированно не обращался к истории органов безопасности в Омском Прииртышье. Авторам рецензируемой монографии удалось детально показать эволюцию органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье от губернского отдела к окружным отделам и оперативному сектору. В этой связи в монографии есть некоторый дисбаланс: в ней подробно говорится об истории Омского окротодела ОГПУ, приводятся данные о его руководителях, и при этом очень мало внимания уделено деятельности Гарского окружного отдела ОГПУ. В частности, в книге нет данных о его начальниках. Несомненным достоинством монографии является описание структуры и деятельности органов ОГПУ на транспорте.

С этой целью авторы удачно используют редкие фотодокументы, выявленные ими в Историческом архиве Омской области. В этой связи также хотелось бы увидеть в монографии сведения о руководителях органов ОГПУ на транспорте. Их, к сожалению, в монографии нет.

В. П. Василевский и А. В. Сушко справедливо указывают, что «органы ГПУ, помимо выполнения задачи по политическому сыску, занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью, борьбой с экономическими и должностными преступлениями, пресекали проявления экстремизма и бандитизма, с которыми не могла справиться милиция. Они являлись государственной структурой, их функции были гораздо шире, чем у политической полиции. Поэтому, в широком смысле, правильнее называть органы ГПУ – ОГПУ не «политической полицией», а «органами государственной безопасности» [1, с. 13].

Мы поддерживаем выступление авторов монографии против одностороннего показа аморального облика сотрудников советских спецслужб, имеющегося в работах А. Г. Теплякова [2, 3]. Они приводят аргументированные доводы о том, что этот порок был присущ в то время партийно-государственному аппарату в целом, но при этом в органах государственной безопасности признавали этот недостаток и вели системную борьбу с ним. Следует согласиться со следующими доводами В. П. Василевского и А. В. Сушко: «Партийно-государственное руководство достаточно много внимания уделяло моральному облику сотрудника советских спецслужб, где постепенно налаживалась система кадрового отбора, повышался интеллектуальный уровень сотрудников и при этом регулярно проводились «партийные чистки» направленные на отсев сотрудников с недостойным поведением. Материалы этих чисток свидетельствуют о том, что к концу 1920-х – началу 1930-х годов требования к облику сотрудников постоянно росли. По-другому и не могло быть. Пьяные, криминализованные спецслужбы, просто бы не справились с задачами по борьбе с многочисленными внутренними и внешними врагами власти» [1, с. 14].

Одним из самых, на наш взгляд, интересных является раздел монографии о борьбе с политическими противниками Советской власти. Он объективно накладывается на важнейшую в современной российской отечественной историографии проблему истории формирования однопартийной системы в СССР. Насколько оппозиционные антисоветские партии сами обанкротились и дискредитировали себя, объективно подводя к своему исчезновению с политической сцены, и насколько причиной их исчезновения явилась политика РКП(б) и репрессивные действия органов ГПУ – ОГПУ? Авторы решают этот вопрос на конкретном материале конкретного региона.

Приятной неожиданностью для меня лично стало то, что в представленной монографии присутствуют факты, подтверждающие выдвинутое мною в книге «Покушение на Колчака» (Омск, 2012) научное положение о наличии в Омске в период колчаковщины эсеровского антиколчаковского подполья (пусть и не такого значительного, как большевистское) [4]. В монографии В. П. Василевского и А. В. Сушко факты подпольной антиколчаковской деятельности омских эсеров неожиданно «всплывают» в связи с материалами допросов в 1922 г. одного из лидеров Омской организации ПСР И. Н. Лунегова.

В разделе о борьбе органов безопасности советского государства с противниками режима интерресен сюжет о студенческой организации истории Российской Партии Народного Права. Несмотря на то, что об этой организации исследователи уже писали (в частности, ее истории касался А. Г. Тепляков), авторы монографии впервые подробно проанализировали материалы архивно-следственного дела этой организации. В этой связи в возникшей между ними и Е. Н. Савенко дискуссии по вопросу о реальности организации и, соответственно, дела в отношении нее или ее создания чекистами в результате оперативной игры, мы, в целом, поддерживаем точку зрения В. П. Василевского и А. В. Сушко об искусственном, провокативном создании организации чекистами с целью борьбы с инакомыслием [5]. Мы считаем доводы В. П. Василевского и А. В. Сушко достаточно убедительными. Они основаны на первых показаниях основных обвиняемых по делу, где подробно рассказывалось о некоем человеке, который фактически собрал молодежь, недовольную режимом, и направил ее деятельность. Авторы монографии учитывают исторический контекст той противоречивой эпохи. Это аргументированно позволяет им предположить, что данное дело было создано омскими чекистами для изоляции от общества недовольной властью молодежи.

Рецензируемая монография вносит вклад и в исследование влияния деятельности советских спецслужб на советскую экономику. На уровне микроистории они детально описывают простой и эффективный механизм государственного контроля спецслужб над экономикой, который был основан на личной зависимости советских служащих от чекистов, санкционировавших трудоустройство на значимые должности и периодически проводивших «чистки» советского аппарата от лиц неугодных режиму. Благодаря этому у чекистов был эффективный рычаг для вербовки осведомителей. Через органы ОГПУ не только получали информацию и информировали партийное руководство, но, давая соответствующие указания сотрудникам предприятий, зависимым от них, оказывали влияние на экономическую деятельность организаций и предприятий. Можно согласиться с тем, что чекисты способствовали улучшению организации производства и повышению экономической эффективности предприятий. При этом важно, что, говоря о деятельности экономических подразделений органов ОГПУ в Омском Прииртышье, авторы монографии не пренебрегают принципом научной объективности. Они подчеркивают их активное участие в массовых политических репрессиях. В заключение В. П. Василевский и А. В. Сушко обоснованно пишут: «С конца 1920-х годов большинство экономических преступлений в СССР стало рассматриваться как злонамеренные действия «вредителей», направленные против социалистического строительства. Расследуя их, ЭКО ОГПУ в Омском Прииртышье, как и по всей стране, с конца 1920-х гг. приняло активное участие в массовых политических репрессиях в отношении советских граждан» [1, с. 243].

Глава монографии, посвященная деятельности органов ГПУ – ОГПУ по противодействию внешним угрозам, весомо, фактическим материалом подкрепляет авторское суждение о том, что советские спецслужбы правильнее называть не «политической полицией», а «органами государственной безо-

пасности». Авторы убедительно показали, что даже в Омском Прииртышье, не имевшем границ с иностранными государствами, внешние угрозы были актуальны, и чекисты активно боролись с ними. Известный историк отечественных спецслужб А. И. Пожаров отмечает дисбаланс в современных исследованиях, связанный с тем, что материалы о репрессивной деятельности спецслужб в большинстве своем рассекречены и историки активно, а подчас и тенденциозно пишут о них, а документы, касающиеся разведки и контрразведки, составляют государственную тайну и исторических исследований об этих аспектах деятельности спецслужб по объективной причине крайне мало [6, с. 8]. Поэтому в современной историографической ситуации особо ценным представляется то обстоятельство, что указанная глава монографии В. П. Василевского и А. В. Сушко базируется на документах, впервые вводимых авторами в научный оборот.

Исследование В. П. Василевского и А. В. Сушко носит региональный характер. Поэтому, в заключении, как итог своей работы, авторы концептуально привели заслуживающие внимания особенности оперативной обстановки в Омском Прииртышье, которые были обусловлены географическим положением региона, спецификой его исторического и социально-экономического развития [1, с. 240–241].

Монография не свободна от некоторых, впрочем, вполне простительных, недостатков. Так, по Сибирскому крестьянскому союзу (СКС) авторы дают историографическую сводку основных научных позиций в отношении степени реальности данной социально-политической организации: от позиций В. И. Шишкина и А. Г. Теплякова, практически полностью отрицающих реальность СКС, до мнения В. Н. Уйманова, признающего СКС вполне реальным. Жаль, что при этом авторы представленной монографии не использовали работы омской исследовательницы О. А. Пьяновой, в которых соотношение реальности и мифичности в деле СКС исследовано, на наш взгляд, наиболее объективно и взвешенно [7, 8]. Вызывает сомнения приводимая в монографии партийная принадлежность Ф. Г. Ягодина-Виноградова, которого авторы, ссылаясь на статью С. А. Папкова, относят к эсерам [9]. Почти всю свою сознательную политическую жизнь он являлся социал-демократом (меньшевиком различных оттенков). Показалось также, что работу с сектантами можно было бы осветить несколько подробнее (авторы говорят о том, что основным религиозным противником власти в Омском Прииртышье являлась Православная церковь, но, насколько нам известно, и сектанты в этом не намного «отставали»).

Однако эти небольшие замечания ни в коей мере не ставят под сомнение большую работу, сделанную авторами, и научную значимость представленной монографии. Необходимо отметить старательность, внимательность и скрупулезность в исследовании заявленной темы в целом. В монографии приводятся с соответствующими сносками многочисленные интереснейшие факты, на основе которых авторы приходят к важным выводам. Эти

выводы, как правило, логичны и выверены, они вытекают из материалов исследования и опираются на серьезный комплекс источников.

Представленное В. П. Василевским и А. В. Сушко исследование на конкретном региональном материале помогает понять жесткую и жестокую логику зарождения сталинских репрессий. Приведенную позднее к «большому террору». Книга написана академическим и в то же время доступным для широкого круга читателей языком. Наличие фотоприложения, несомненно, усиливает значение монографии и интерес к изложенному в ней материалу.

Научная монография В. П. Василевского и А. В. Сушко — «"Стражи революции": органы ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье» — вносит существенный вклад в исследование проблем российской отечественной истории XX в. и, в особенности, истории советского периода времен сталинизма. Ее издание является важным событием в отечественной и сибирской региональной и омской краеведческой историографии.

Библиографический список

1. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье: моногр. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.
2. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК—ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2007. 288 с. ISBN 978-5-91022-042-7.
3. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ—НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 608 с. ISBN: 978-5-94881-070-6, 978-5-91022-102-8.
4. Штырбул А. А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. 392 с. ISBN 978-5-8268-1683-7.
5. Савенко Е. Н. «Власть и свободу всему народу»: история нелегальной молодежной организации конца 1920-х гг. в свете документов следствия // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 57—60.
6. Пожаров А. И. Разведка и шпионаж: особенности исторического исследования // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. «Гороховая, 2». СПб.: Любавич, 2016. Вып. XIV. С. 7—17.
7. Пьянова О. А. Военная организация Омского комитета «Сибирского крестьянского союза» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1999. № 7. С. 201—210.
8. Пьянова О. А. Сибирский крестьянский союз // Современное общество: материалы науч. конф., посвящ. 25-летию ОмГУ. Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. Вып. 1. С. 87—88.
9. Папков С. А. Эсеры в Сибири в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2015. № 6. С. 140—149.

ШТЫРБУЛ Анатолий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «Всеобщая история, социология и политология» Омского государственного педагогического университета; эксперт Российской академии наук. Адрес для переписки: morga_n_58@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.10.2017 г.

© А. А. Штырбул